

АНТОН КРАЙНИЙ.

СКАЖИТЕ ПРЯМО!

Очень интересна последняя, декабрьская, книжка «Русской Мысли». Она стоит пространныго обсуждения, но пока мы хотим отметить, в нескольких строках, самое примечательное. Это примечательное — собрание статей, лекций, публичных чтений той группы нео-славянофилов (?), которую мы кратко привыкли называть группой «москвичей». Ничего не определяет это название, но тем оно и хорошо. По совести, назвать «москвичей» славянофилами нельзя, не вполне точно; национал-либералами — тоже; «славянофильствующими либерало-националистами» скорее, но уж очень это длинно и в конце концов смутно. Между тем, достаточно сказать «москвичи» и назвать хоть одного из них, любого,— тотчас понятно, о ком идет речь; и за первым именем — С. И. Булгакова, что ли,— встанут в памяти другие — Е. Трубецкой, Эрн, Вяч. Иванов, Рачинский и т. д.— даже вспомнится кстати П. Струве, хоть он и не «москвич».

Они — все разные; если бы даже и не подчеркивали сами, что разные, никто бы в этом не усомнился; однако внутренняя, не сразу определяемая, связь их, общность, так значительна, что разность порою отходит на второй план. У них одинаковый стержень, и только нитки, наглуго обматывающие стержень, разных цветов.

Кроме того у одних больше ниток, не скоро доберешься до стержня, у других он сквозить.

Статьи, о которых идет речь, все написана на одну и ту же тему — о текущих событиях. Авторы говорят разным языком, подходят к событиям как будто с разных сторон. Разные разматываются нитки. Голубые, розовые, золотые... шелковые, бумажные... И вдруг мелькнет деревянная белизна стержня, у всех одинаковая: и у неподвижно-трезвого Е. Трубецкого, и у хладнокровно-увлекающегося В. Эрна, и у старчески-стремительного, пылкого Рачинского, и у кудреватого, ни пред какими большими буквами не останавливающегося, Вячеслава Иванова, нашего „иеро-политика" (не я, а один наивный поклонник недавно окрестил его так). Скажу больше: даже в заключительной статье П. Струве, написанной внушительно (он всегда внушителен, говорит ли об экономике, империализме или «Святой Руси»),— та же подозрительная белизность мелькает, хотя П. Струве держит палку за другой конец.

Что же такое этот стержень, эта палка, эта связь? Может быть — религия? Все они — люди религиозные, не естественно ли, что, и с разных сторон подходя к событиям) они все будут оценивать их с религиозной точки зрения? Да, это так; а все же сказать «религия» — сказать слишком мало. И само слово чересчур общее, и палка длиннее. Она одна,— поэтому П. Струве, начиная со своего конца, доходит-таки до «Святой Руси», хотя мы все знаем, как мало дела уважаемому профессору до чьей бы то ни было святости. По этому же самому, с противоположного конца идя доходят и „москвичи" — Эрн, Булгаков и другие — до Струве. Палка одна...

Тут дело не в религии «вообще», а следовательно и не только в религии. С общерелигиозной точки зрения, Франк например в своем спокойно-объективном, «исключающем все партийные, публицистические и философские споры», возражении называет построения «москвичей» «*кощунственными*» (стр. 129, «Р. М.», декабрь). Прав или не прав Франк — мы в это входить не станем сейчас, потому что мы вообще не судим, а только отмечаем и исследуем.

Определить же самую суть, стержень, на котором держатся построения «москвичей», можно, лишь взяв этот стержень в обнаженном и цельном виде. Именно таков он у последнего «москвича»,— Сергея Соловьева. Соловьева нет в

«Русск. М.», его не было на знаменитом собрании «Московского Р.Ф. О-ва», где прочтены были речи остальных «москвичей». Но он читал в других местах, он выпустил брошюру «К войне с Германией», его взгляды кристально-чисты; за эту чистоту, за суровую честность слов, за то, что главного стержня он не обматывает никакими индивидуально-цветными нитками,— за это и недолюбливают его, и сторонятся от него, гибкие, слегка трусливые «москвичи».

С. Соловьев в высшей степени честен перед самим собой, он презирает всякие разматывания, наматывания, заматывания, всякое влияние, всякое либеральничанье,— словом, всякое приспособление к чему-нибудь, потакание, попустительство ради личных настроений, свойств, склонностей и вкусов. То, что он говорит,— стройно, цельно и сильно, хотя очень старо и всем известно. В цельности всегда своя сила.

Соловьев берег веру, церковь православную (во всей ее суровой неизменяемой полноте), Белого Царя (опять во всей православной полноте) и Святую, именно Святую Русь, как единую «наследницу Византии, которая была столбом правильного вероучения». Из этих трех открытых приятий с волшебной последовательностью вытекают все положения С. Соловьева, все, до одного, его слова. Он с правом говорит и о днях Дм, Донского, и о «гробах Сергея и Гермогена», и о Царь-граде, и о верховной мощи и призвании России, с правом пишет «На взятие Львова»:

«Ты все ждал, чтоб из-за Збручи
Подошли к тебе, как тучи,
Рати Белого Царя...»

да соберется весь русский народ

«Под стяг державный
Звоном Пасхи православной»....

И конечно, «Вильгельм это — Навуходоносор», и конечно — «нам нельзя было дышать от немцев, мы не могли молиться... созидать свою культуру, так роскошно расцветшую в XVII столетии», и конечно — «теперь переламинается русская история»...

Повторяю, логически-строгая и, чистая красота построений Соловьева принуждает меня поставить его головой выше всех других «москвичей». Булгаков в конце своих «Русских Дум» приходит к тем же точно словам-выводам, как и Соловьев, точь-в-точь: «Россия — сверхкультура и сверхгосударственность, апокалиптическая теократия Белого Царя»... и т. п., однако соловьевских предпосылок он не делает, а лепечет вначале что-то о капитализме. Скромные предостережения от «излишнего национализма» у Трубецкого, путанные «хорошие слова» Рачинского, таинственные глаголы Вяч. Иванова о «таинстве», о «вселенском деле» войны, все это — нитки разноцветные, мазанье, попустительство, между тем суть дела сама по себе такова, что требует строгости, определенности, суровой обнаженности от всяких чуждых украшений. Достоевский ничего не замазывал, Конст. Леонтьев не болтал о национал-либерализме, а шел до конца. Не сравнивая значения личностей, скажу, что и Соловьев,— один,— идет до конца так же смело, так же праведно.

Что касается П. Б. Струве, то я, пожалуй, ошибся, сказав, что он начинает с другого конца. С другой стороны, но не с конца, а со *середины*. И соответственно останавливается, далее «Святой Руси» (в очень поверхностном понятии) не идет. Конечно и это для него много. Мы слишком хорошо помним, что П. Б. Струве, если и признает религию, то как дело чисто-индивидуальное, *privat sache*. Церковь же признает он лишь «обывательскую», по его выражение. Теперь он дошел до святости. Но не отвернется ли Соловьев... от струвьевской «Святой Руси», «правду» которой Струве хочет подпирать «силой» Всероссийской Империи? Струве-то искренне думает, что правда" может «возобладать», только если внедрить ее силой",

но не один Соловьев, пожалуй и Булгаков остановится пред таким «идеалом». А Струве именно как идеал святости предлагает нам взаимопомощь «правды» и «силы».

Если мы выделим Струве, вообще представителя срединности, то группа «москвичей», о статьях которых мы говорим, представится нам очень ясно: это — люди, разнообразно одаренные, разные по личным склонностям, слабостям, биографическим привычкам, но сплоченные единостью ясной, и по существу не терпящей компромиссов, идеологией. Они с малодушием (невольным?) прячут ее, покрывая словами,— эстетическими, этическими, либеральными, какие кому ближе. Но слова отстают от нее; нет-нет — она мелькнет, только искаженная, обессиленная — бездейственная.

Соловьев обнажил ее первичные устои, взял ее во всей полноте, со всеми концами и началами. Он за нее отвечает.

А «москвичи»? Пока они не соберутся с силами и с духом, не примут ответственности за собственную идеологию, они так и останутся просто «москвичами», просто людьми, по-разному талантливыми, которые что-то говорят — не то разное, не то общее; чего-то хотят — не то хорошего, не то худого; а,, может быть и ничего не хотят, и все это — так, одни безответственные словеса «под настроением».

Антон Крайний.